

Агропромышленная концентрация в российских регионах

Т.Г. НЕФЁДОВА, доктор географических наук, Институт географии РАН,
Москва. E-mail: trene12@yandex.ru

В статье рассматривается роль агрохолдингов в развитии агропромышленного комплекса. Анализируются причины, тенденции и последствия концентрации собственности, приводятся примеры преимуществ и проблем холдинговой организации в Татарстане, Белгородской области, Ставропольском крае и в Центральной России, а также альтернативные варианты развития сельского хозяйства и сельской местности.

Ключевые слова: агрохолдинги, поляризация пространства, социальные последствия, сценарии развития

Тенденции концентрации собственности в российском агропроизводстве

Поляризация сельхозпроизводителей по размерам (объёмам производства) и усиление роли крупных и крупнейших агрохолдингов (которые, по многим оценкам, производят около 40% продукции сельскохозяйственных организаций) характерна для 2000-х годов. Хорошо это или плохо для России – один из основных предметов научной дискуссии о том, что же спасёт страну – крупные предприятия или мелкие частные хозяйства?

Принцип организации агрохолдингов – вертикальная интеграция предприятий пищевой промышленности с сельхозпроизводителями, а также с торговыми, финансовыми или обслуживающими структурами. С учетом длительного опыта советских предприятий и международных процессов концентрации собственности, то, что происходило в постсоветской России, было неизбежно. Возлагаемые в 1990-х годах надежды на фермерские хозяйства не оправдались хотя бы потому, что крестьянская психология и отношение к земле за 60 лет советской власти были утеряны. Хотя вполне успешные фермеры есть. Но и среди фермеров идут процессы поляризации и концентрации производства.

На Западе процессы кооперации фермеров «снизу» шли десятилетиями и веками. У России времени на такую раскачку

не было. При резком сломе государственной системы снабжения продовольствием и неготовности подавляющего большинства наёмных работников колхозов и совхозов к товарному частному хозяйству с большими рисками, самыми адаптивными оказались пищевые предприятия, поскольку имели – несмотря на хлынувший импорт – гарантированный сбыт. Именно конкуренция с импортом заставила их быстрее приспособливаться к новым рыночным условиям и модернизироваться. В то же время у отдельных частных структур происходило первоначальное накопление капитала, который они и начали вкладывать в наиболее прибыльные пищевые отрасли. К концу 1990-х годов в крупных городах вызрел класс новых высококвалифицированных управленцев. Но проблемой оказалась сырьевая база. Опирались на полумёртвые колхозы было ненадежно, а фермеров было мало. И тогда переработчики начали приобретать убыточные сельхозпредприятия, инвестировать в них и вводить туда свой менеджмент, чтобы иметь устойчивую сырьевую базу.

Это позволило остановить падение сельскохозяйственного производства и даже обеспечить его рост. Правда, не повсюду, а в отдельных ареалах: чаще в пригородах крупных городов и на юге, где лучше природный и трудовой потенциал. Особенно быстро объём инвестиций в сельское хозяйство стал расти после кризиса 1998 г., вызвавшего резкое подорожание импорта. Не только пищевые предприятия, но и любые инвесторы, даже компании, далёкие от сельского хозяйства, обнаружили, что при сравнительно небольших вложениях сельское хозяйство, особенно растениеводство, свиноводство, птицеводство, – выгодные отрасли с относительно быстрым оборотом инвестиций. Капитал из городов пошел в сельское хозяйство. Именно такой путь формирования агрохолдингов «сверху» оказался наиболее приемлемым для современных российских условий.

В 2000-х годах всё больше проявляется тенденция «выращивания» холдингов снизу, но не от совокупности фермеров, как на Западе, а на базе бывшего колхоза или совхоза. Если находился инвестор, вкладывающий в сельскохозяйственное производство, он часто организовывал и переработку с новейшими технологиями, скупал соседние колхозы, формировал собственные бренды и торговую логистику. Такой тип

холдингов типичен для агломерационных зон столиц (Московской, Ленинградской областей и прилегающих к ним районов) и опирается на мощные столичные рынки. Фактор спроса и специфика российской организации сельского хозяйства, наряду с трудовым потенциалом, вопреки мировым тенденциям ухода сельского хозяйства из пригородов и натиску жилищно-дачной застройки, удерживают сельское хозяйство около столиц.

Агрохолдинги оказывают значительное влияние на сельское пространство. Крупные агрохолдинги, осуществлявшие мощную экспансию в регионы, такие, как, например, московский «Вимм-Билль-Данн» и питерский «Юнимилк», зоны которых пересеклись, «сшивали» российское пространство, преодолевая региональные барьеры. Благодаря крупным холдингам и их лучшему техническому вооружению происходит частичное возвратное вовлечение в использование заброшенных территорий. В тех регионах, где расположены звенья холдингов и прекратили работу местные производители, агрохолдинги увеличивают не только занятость местного населения, но и поступление налогов в местные бюджеты. Однако в связи с тем, что им требуется гораздо меньше работников, чем колхозам, безработица в сельской местности всё равно велика. К тому же городские менеджеры обычно не заинтересованы в развитии местной социальной сферы (хотя есть исключения), нарушают привычные сельские отношения. Поэтому приход крупных холдингов, несмотря на инвестиции и занятость, не всегда поддерживается местной элитой и населением.

Агрохолдинги, частично спасая сельское хозяйство, в то же время усиливают поляризацию пространства, отбирая более работоспособные предприятия, часто расположенные ближе к крупным городам (хотя есть отдельные примеры прихода холдингов или их филиалов в глубинку). Вместе с тем поддержка городским бизнесом сельхозпредприятий приводит к существенной, хотя и «точечной», модернизации производства, повышению его продуктивности.

Во многих регионах практикуется сверхконцентрация – создание «мегаферм», мощных свиноводческих и птицеводческих комплексов. В идеале это – шаг к индустриальному сельскому хозяйству с небольшим числом занятых и ростом производительности труда. Например, на огромных мегафермах

практикуется беспривязное содержание скота, отёл и доение коров происходят в отдельных залах с полной механизацией и контролем качества молока. Каждый агрохолдинг имеет свою технику, производит корма, перерабатывает продукцию, а также, помимо сбыта в торговых сетях, часто создает сеть собственных магазинов. Среди преимуществ можно отметить рост на первых этапах производительности труда, урожайности, продуктивности скота; укрепление связей производства, переработки и распределения сельскохозяйственной продукции; стандартизацию её качества, важную в условиях вступления в ВТО; воссоздание племенного и семенного хозяйства, разрушенных в 1990-е годы.

Однако сверхконцентрация создала много проблем. Излишний гигантизм основных агрохолдингов привёл к сложностям управления громоздкими структурами и проблемам рационального использования земель. Произошло поглощение вполне дееспособных самостоятельных предприятий, что в ряде регионов вызвало сильное сжатие сектора предприятий среднего звена. Монополизм агрохолдингов поставил целые районы в зависимость от состояния одного предприятия. А постоянные кредитные и бюджетные вливания лишь подогревали аппетиты владельцев при потере гибкости в адаптации к рынку. Наблюдался и рост коррупции за счёт слияния менеджмента крупных компаний и региональной власти. Усиление концентрации в отрасли привело к тому, что крупные агропромышленные компании, в конце концов, слились с иностранными глобальными монстрами, как это, например, произошло с холдингами «Вимм-Билль-Данн» и «Юнимилк».

Помимо отечественных и зарубежных межрегиональных агрохолдингов, создаются вертикальные структуры регионального и даже муниципального масштаба. Они играют важную роль в оздоровлении экономики малых и средних городов.

Современная статистика сельского хозяйства не отражает пространственную экспансию агропромышленных компаний, поскольку оперирует показателями низовых звеньев в разрезе регионов без привязки к компаниям, в то время как реальное функционирование в результате централизации осуществляется по вертикальным структурам в разрезе крупных собственников.

Но главными негативными эффектами стали социальные. Отчуждение работников от непосредственного принятия решений только закрепляет и так характерное для сельских жителей безразличие к производительности труда и результатам работы. Холдинги тратят значительную часть средств на охрану имущества, воспроизводя колхозные отношения. Существенным фактором стала относительная независимость крупных межрегиональных холдингов от региональной власти при росте зависимости региональной власти от их политики. Поэтому, укрепившись в районах, агрохолдинги могут диктовать свои условия: закупочные цены на молоко, корма и т.п.

Многие производители вне агрохолдингов не выдерживают конкуренции с ними, что увеличивает безработицу в сельской местности. При этом агрохолдинги редко работают с хозяйствами населения и мелкими предприятиями. Причина – ненадёжность поставок и сложность контроля качества небольших объемов разнородной продукции, которая из-за отсутствия необходимых технологий часто не соответствует санитарным нормам. Исключения составляют лишь новые частные компании. Региональные власти, как правило, делают ставку на крупных производителей, пытаясь одним махом решить проблемы увеличения объёмов производства и роста бюджета региона.

Преимущества и недостатки концентрации собственности

Несмотря на рассмотренные общие черты, региональное разнообразие холдинговой организации агропроизводства очень велико. Причины неоднородности сельской местности в России множество. Это огромные размеры страны, обусловившие разнообразие природных зон, а также неравномерная заселённость и разная скорость оттока населения в города. Это и неодинаковая реакция производителей на кризис и реформы 1990-х годов. В результате в разных регионах сложилось разное соотношение между крупными агропредприятиями, средним и мелким бизнесом и натуральными хозяйствами населения. Но в целом можно выделить два ключевых фактора: 1) природные условия, влияющие на характер освоения территории, условия жизни населения и ресурсы для развития ключевых отраслей сельской экономики, и 2) экономико-географическое положение,

прежде всего, удалённость от городов разного размера и транспортных магистралей, как воплощение центрально-периферийных различий демографического и экономического потенциала. Вместе с культурно-историческими особенностями освоения территорий они влияют на плотность, состав и миграции населения, традиции хозяйствования, транспортную и социальную инфраструктуру, экономическую специализацию и взаимоотношения с потребителями продукции, и даже на эффективность и результаты экономической деятельности, включая, например, продуктивность скота и земли. В совокупности именно от них зависят возможности и ограничения развития различных сельских территорий.

Безусловно, исключительно важны региональные и локальные институциональные факторы, в том числе связанные с личностью руководителя, определяющие «правила игры» при, казалось бы, универсальных федеральных законах. Это наглядно иллюстрируют примеры четырёх регионов, где агрохолдинги играют весьма существенную роль.

Республика Татарстан находится не в самых благоприятных природных условиях, но агропромышленный комплекс – одно из перспективных и приоритетных направлений ее развития. Татарстан в 2009 г. занимал второе место в стране после Краснодарского края по объёму валовой продукции сельского хозяйства, в 2010 г., после засухи, – третье место, в то время как в 1991 г. он был лишь на седьмом. По показателям динамики посевной площади в 1990–2011 гг. Татарстан сравним с южными регионами с наиболее благоприятными природными условиями и мощным зерновым бизнесом. Он лучше других регионов сохранил за последние 20 лет посевные площади и поголовье скота. Всё это оказалось возможным благодаря институциональным и демографическим факторам, определяющим специфику Татарстана:

- ✓ высокому уровню финансовой и организационной поддержки АПК благодаря нефтяным доходам и умению договариваться с федеральным центром;
- ✓ повышенной роли крупных модернизированных агрохолдингов;
- ✓ особенностям сельского населения, его более ярко выраженному сельскому менталитету и многонациональному составу.

Татарстан отличается повышенными расходами бюджета на поддержку национальной экономики (в два раза выше среднероссийских показателей и в три раза, чем, например, в Пермском крае и Челябинской области). При этом в АПК шло 10% расходов бюджета. Агрохолдинги Татарстана во многом уникальны благодаря гигантизму и региональной автаркии агропроизводства. Двадцать крупных агрохолдингов использовали в 2000-х годах около 70% сельскохозяйственных угодий, причём три крупнейших – около трети всех угодий: «ВАМИН Татарстан» (440 тыс. га), холдинговая компания «Ак Барс-Агро» (500 тыс. га), «Красный Восток-Агро» (350 тыс. га). Большинство предприятий было скуплено крупными агрохолдингами. С их приходом надой молока от одной коровы возросли в 2–3 раза, рентабельность производства прежде убыточных предприятий на первых этапах повысилась. В ряде муниципальных районов агрохолдинги производили от 70 до 90% молока, мяса и зерна. При этом общая занятость в сельском хозяйстве этих районов сократилась в 2–3 раза.

Однако созданный в Татарстане государственный капитализм (хотя и с обширными социальными программами) во многом оказался колоссом на глиняных ногах. Особенно это касалось молочного животноводства. Птицекомплексы и крупные свинокомплексы до вступления в ВТО были более устойчивы.

К 2011–2012 гг. прибыльность многих агрохолдингов Татарстана начала падать. В 2012 г. надой молока на некоторых предприятиях снизились с 7 до 4 т от коровы, стало сокращаться поголовье. В 2012 г. имели место задержки зарплаты и уплаты налогов. До финансового кризиса Татарстан занимал четвёртое место в России по общей выручке от животноводства. Но в то же время с учётом затрат выручка на условную голову скота в Татарстане сравнительно низкая – 44-е место в России¹.

То, что произошло в Татарстане в 2010–2012 гг., было предсказуемо лишь отчасти. Кредиты, взятые на строительство мегаферм, должны были окупиться за 8–10 лет. Однако финансовый кризис, череда засух 2009–2010 гг. и общие для страны вызовы

¹ Сарайкин В. А. Малый бизнес и его роль в сельском хозяйстве России. – М.: ВИАПИ, 2012.

функционированию АПК в виде диспаритета цен, регулирования налоговой базы, нехватки кадров и т.п. показали сильную перекредитованность агрохолдингов республики. К этому добавилась неясность перспектив дальнейшей республиканской бюджетной поддержки. Стало очевидно, что отдать кредиты уже невозможно. При нехватке оборотных средств и стремлении получить прибыль любой ценой холдинги увеличили продажу зерна. В результате стало не хватать кормов, что повлекло падение надоев молока и его качества. Для повышения надоев пытались резать «лишних» коров, но натолкнулись на мощное административное противодействие – контроль за поголовьем скота в республике строгий. Ситуация стала тупиковой. Добавились и новые вызовы, связанные со вступлением в ВТО и изменением структуры поддержки АПК в России.

В самом сложном положении оказался агрохолдинг «ВАМИН-Татарстан», которым с конца 1990-х годов руководил В. Мингазов. С 2004 г. он активизировал инвестиции в сельское хозяйство, постепенно скупил подавляющую часть молокозаводов (в частности, чтобы не допустить чужой бизнес в республику). Проблемы с российскими банками-кредиторами начались у «ВАМИНа» ещё в 2010 г. Но тогда вмешались региональные власти. В 2012 г. долг «ВАМИНа» составлял около 20 млрд руб. Осенью 2012 г. пять банков обратились в суд, поскольку был обнаружен вывод из «ВАМИНа» денег и имущества. По этому поводу было даже возбуждено уголовное дело. В марте 2013 г. арбитражным судом на предприятии введена процедура конкурсного производства.

Продукция «ВАМИНа» была популярна у населения благодаря хорошему качеству и сравнительно низким ценам. Банкротство предприятия такого уровня – серьёзное испытание для республики. Однако костяк производства с помощью правительства республики был сохранен, хотя в продаже вместо прежней марки, составленной из первых букв имени и фамилии бывшего владельца, появился новый бренд: «Просто молоко». В 2012 г. начались проблемы с оплатой труда, снизились поголовье скота и его продуктивность в агрохолдинге «Красный Восток-Агро». Пример Татарстана показывает недееспособность подобных гигантов в рамках одного субъекта Федерации без существенной опеки региональных властей.

В последние годы для республики характерны противоположные тенденции. По развитию фермерства Татарстан долго отставал от многих регионов страны. Зато сельская местность характеризуется повышенной плотностью поголовья крупного рогатого скота, овец и коз в частных хозяйствах населения, особенно в татарских и чувашских районах. В последнее время правительство республики взяло курс на стимулирование развития малого бизнеса в сельском хозяйстве. Программа развития семейных животноводческих ферм (на 24 головы скота) начала работать в Татарстане в 2010 г. Число таких хозяйств предполагается довести до 1000.

Белгородская область. Идеология административного управления развитием АПК доминирует и в этом регионе. Повышенное внимание к АПК связано с благоприятными природными условиями, с меньшими по сравнению с более северными регионами потерями сельского населения даже в советское время (и сейчас область остается весьма привлекательной для мигрантов), но определяющую роль играют приоритеты руководителя области, сделавшего из нее «мясной центр» России. Если в 1990 г. доля области в производстве мяса в России составляла 2%, то в 2011 г. – 11,6%². Это произошло за счёт увеличения поголовья свиней и птицы на крупных предприятиях при запрете (из-за африканской чумы свиней) разведения свиней в хозяйствах населения.

Шестнадцать крупных агрохолдингов используют более 2/3 всех сельскохозяйственных земель, создав свою мощную кормовую базу. При этом с 2000 г. областное руководство постепенно выкупало земельные паи населения в региональную собственность, и теперь ему принадлежит 40% пахотных земель³. Владение контрольным пакетом земельных акций на территориях, выделяемых властями, позволяет им контролировать деятельность агрохолдингов.

Основной холдинг – группа компаний ООО «Агро-Белогорье», созданная в 2007 г. и имеющая 16 свиноводческих

²Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. – М.: Росстат, 2012. – С. 580.

³ *Фадеева О.П.* Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области)// Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4.

комплексов с общим поголовьем 800 тыс. свиней (во всей области – 2700 тыс.) и 116 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Второй по величине холдинг – АПК «Мираторг», и хотя он не местный, действует в 15 регионах страны, но активно сотрудничает с региональными властями. В Белгородской области у него 19 свиноводческих комплексов. Среди остальных наиболее мощных белгородских холдингов можно отметить ООО «БЭЗРК-Белгранкорм», действующее в пяти районах на западе области. Группа компаний «Приосколье» выросла из небольшой обанкротившейся фабрики в Новооскольском районе в одного из лидеров по производству мяса птицы в России. В числе лидеров также ОАО «Белгородский бекон», «Белая птица», «Губкинагрохолдинг» и другие.

Активное участие региональных властей в агропроизводстве опирается, как и в Татарстане, на значительную поддержку АПК. Белгородская область, имея 1,1% населения страны, получает 8% объема общероссийской помощи АПК. Кроме того, на АПК расходовалось до 18% консолидированного бюджета области. Эта поддержка во многом опиралась на доходы от металлургического производства, хотя агропромышленный комплекс занимает второе место как источник доходов бюджета. Немаловажную роль играли и продолжают играть, как и в случае с Татарстаном, особые отношения с федеральными властями. Более того, явное перенасыщение области птицеводческими и свиноводческими комплексами привело к экологическим проблемам утилизации отходов, недостаточно строгому соблюдению севооборотов и истощению почв. Власти заявили о завершении программы развития птицеводства в 2012 г., свиноводства – в 2015 г. и о переходе к новым направлениям: расширению молочного сектора, тепличного хозяйства (в том числе работающего на продуктах переработки в электроэнергию отходов свиноводческих комплексов), производству пищевых добавок и т.п. В последние годы наблюдается и экспансия белгородских агрохолдингов в другие регионы (Ростовскую, Тамбовскую, Брянскую, Новгородскую, Костромскую, Новосибирскую области) и в Украину.

И всё же проблемы есть и здесь. Неожиданно образовавшаяся дыра в областном бюджете в результате изменения законодательства в 2013 г. (уход миллиардов рублей

прибыли из Белгородской в соседнюю Липецкую область, где зарегистрирован Новолипецкий металлургический комбинат, которому принадлежит Стойленский ГОК, и в Москву – собственнику Оскольского электрометаллургического комбината) создала огромные трудности, в том числе и с финансированием АПК. Правда, свиноводческие и птицеводческие холдинги с более коротким циклом производства и оборотом средств, имеющие к тому же дополнительные прибыли от продажи зерна, гораздо устойчивее молочных, и для области они всё равно остаются «подушкой безопасности». Есть районы, особенно на восточной периферии области (там работают «внешние» холдинги, не опекаемые местными властями), в которых велики проблемы с занятостью, оплатой труда, вынуждающие местное население переходить на полунатуральное личное хозяйство или активизировать малый бизнес.

Как и в Татарстане, в области стимулируют создание семейных ферм (областная программа «Семейные фермы Белогорья», согласно которой выдаются гранты и льготные кредиты). Однако участие малого бизнеса в агропроизводстве в области, как показывает таблица, невелико, особенно в производстве молока и мяса.

Доля разных форм в общем производстве в 2005 и 2012 гг.,
% к общему объему производства в хозяйствах всех категорий, фермерские хозяйства / хозяйства населения

Регион	Сельскохозяйственная продукция		Скот и птица на убой		Молоко	
	2005	2012	2005	2012	2005	2012
РФ	6,1/49,3	8,9/43,2	2,4/51,4	2,9/30,2	3,1/51,8	5,4/48,3
Респ. Татарстан	4,9/43,9	5,4/48,4	2,7/45,0	3,7/28,0	5,1/38,1	6,2/37,3
Белгородская обл.	3,3/29,6	3,1/12,7	0,3/23,0	0,1/2,4	2,8/38,6	4,8/29,7
Ставропольский край	10,8/36,6	11,6/28,5	2,8/58,0	3,9/35,7	4,8/74,7	3,2/76,2
Новгородская обл.	3,2/60,2	6,4/38,6	0,9/25,9	0,5/3,4	2,4/47,4	6,0/31,9

Источник: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013. – М.: Росстат, 2013. – С. 225-226, 373-377.

Ставропольский край. Совсем иная картина наблюдается в Ставропольском крае – типичном южном регионе России с разнообразной природой, находящемся к тому же на стыке

гор и равнин, православного и мусульманского мира. Поэтому здесь можно увидеть самые разные типы сельской местности и хозяйства.

Современное Ставрополье относится к числу районов с ярким проявлением рыночных отношений в сельском хозяйстве. При всём разнообразии в крае можно выделить некоторые общие черты, характерные для южных равнинных районов России. Это лучшая адаптация к изменившимся условиям отдельных предприятий – бывших колхозов, появление фермерских хозяйств, товарных хозяйств населения и, конечно, крупных межрегиональных и региональных агрохолдингов. При этом на фоне дефицита и ценности земли происходит борьба разных производителей друг с другом за земельные паи населения, в которую, в отличие от двух рассмотренных регионов, местные власти вмешиваются разве только с коррупционной стороны. При выгодности растениеводства наблюдаются расширение зернового клина и повышенный интерес инвесторов к наиболее прибыльному зерновому хозяйству, к которому и рвутся агрохолдинги. Это сопровождается резким уменьшением поголовья крупного рогатого скота или переходом от молочного к мясному животноводству. Наличие большого количества зерновых кормов стимулирует агрохолдинги к расширению производства свинины и птицы. Никакого регулирования этих процессов в крае нет, что усиливает их географическое разнообразие в зависимости от природных предпосылок, этнического состава населения, степени близости к городам⁴.

Приход агрохолдингов более характерен для центральных районов Ставрополья, где в 1990–2000-х годах происходил многократный передел собственности. Здесь наблюдались катастрофическое снижение поголовья крупного рогатого скота на сельхозпредприятиях, переход на наиболее выгодное зерновое хозяйство с частичным восстановлением птицеводства и свиноводства и высокая безработица в сельской местности. Для восточных сухостепных районов края, из которых в последние годы уезжает русское население, сменяющееся кавказскими народностями, больше характерен мелкочастнособственнический тип хозяйства с сохранением животноводства, во многом

⁴ Нефёдова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: URSS, 2013.

полутеневого, и овощеводства. Похожие процессы с уходом крупных предприятий, формированием отдельных фермерских хозяйств и товарных хозяйств населения, также зачастую этнически нерусских, наблюдаются и в предгорьях.

Центральные районы России. Сельское хозяйство в 1990–2000-х годах явно «сдвинулось» в южные районы, подстраиваясь под наличие природных и трудовых ресурсов. Тот же фактор трудового потенциала наряду с фактором спроса, вопреки мировым тенденциям, удерживает сельское хозяйство в пригородах больших городов. Это особенно ярко проявляется в Московской агломерации и создает острые конфликты землепользования. В староосвоенных регионах Нечерноземья распределение агропроизводства всё больше приобретает подобию линейно-узловых структур.

Агрохолдинги здесь также играют определяющую роль, и стимулы их формирования исходят из крупных городов. Однако для большинства московских агрохолдингов характерны значительная финансовая самостоятельность и меньшая степень дотационной поддержки правительством Москвы (кроме «МосМедынагропрома» в Калужской области и некоторых других), выход за пределы московского региона, т.е. полный отказ от региональной автаркии и попытка вписаться в экономическое пространство России, производя разную продукцию в тех регионах, где это выгодно и где меньше издержки.

Москва с особым статусом субъекта РФ и отсутствием сельскохозяйственных земель может решать проблемы своего обеспечения российским продовольствием только в связке с другими регионами. Основным партнёром была и остаётся Московская область. Однако современные технологии производства и транспортировки продукции позволяют существенно расширить географию поставок, которая давно уже не зависит только от расстояния, скорее она связана с исторической и организационной спецификой отношений Москвы с регионами и предприятиями в них.

Объективная тенденция развития вертикальной интеграции «сверху» и подключения пищевых предприятий к агропроизводству была подхвачена московским правительством. В рамках «Целевой программы интеграции предприятий продовольственного комплекса Москвы с

сельскохозяйственными товаропроизводителями регионов России на 2004-2006 годы» в неё поначалу включились 16 московских пищевых предприятий, которые приобрели 35 сельскохозяйственных предприятий в десяти регионах России. К 2010 г. количество поддерживаемых правительством Москвы агрохолдингов увеличилось до 25, а входящих в них региональных предприятий – до 140. Эти агрохолдинги обеспечивали около 20% суммарных потребностей города в продовольствии. Прекращение бюджетной поддержки ряда агрохолдингов в последние годы не изменило существенно ситуацию со снабжением столицы. Большинство из них, укрепившись в 2000-х годах, остались самостоятельными или совместными с иностранными партнерами предприятиями, активно работая в разных регионах России.

Помимо Подмосковья агрохолдинги мясной специализации приобретали сельскохозяйственные предприятия для выращивания скота и производства кормов в регионах, расположенных к югу и юго-западу от Московской области на стыке Черноземной и Нечерноземной зон. Здесь не произошло таких катастрофических потерь сельского населения, как в более северных районах Нечерноземья, лучше природные условия. А с другой стороны, это не так далеко от Москвы. Кроме того, производство свинины и птицы московскими агрохолдингами локализовалось в некоторых южных регионах, где оно базируется на больших объёмах собираемого там зерна. Московские агрохолдинги молочного направления предпочитают работать с предприятиями Московской и близлежащих областей. Исключение составлял «Вимм-Билль-Данн», осуществивший широкую экспансию, поскольку стратегией компании было максимальное приближение производства к потребителю.

В последние годы всё более явно наблюдается экспансия крупных агрохолдингов и в периферийные районы Нечерноземья, особенно вдоль транспортных магистралей. Примером могут служить регионы между Москвой и Санкт-Петербургом. Упадок сельского хозяйства в Новгородской, Псковской, Тверской областях обозначился с середины 1970-х годов, когда там перестали расти поголовье и продуктивность скота, урожайность основных культур, несмотря на вложения по программе развития Нечерноземья. Самый резкий спад произошел в 1990-х

годах, когда государство прекратило поддержку убыточных хозяйств. И всякий, кто едет теперь из одной столицы в другую, не может не заметить огромные массивы заброшенных полей и отсутствие пасущегося скота. Но вывод о гибели сельского хозяйства, который часто делают на основе таких наблюдений, неверен. При очень сильном сокращении убыточного здесь выращивания зерна, в последние годы начало восстанавливаться производство картофеля, молока и мяса за счет прихода агрохолдингов.

Новые предприятия, как правило, организуются совершенно иначе, чем советские. Например, в молочном животноводстве практикуется преимущественно беспривязное стойловое содержание скота в переоборудованных модернизированных светлых и хорошо проветриваемых помещениях. Поэтому даже в тех местах, где скота много, не видно пасущихся коров.

Влияние Москвы на сельское хозяйство больше проявлялось на окраине агломерации, расширяясь до Конаковского района Тверской области. Таким образом агрозоны московского и тверского пригородов практически слились. Но благодаря приходу в межстоличье мощных московских, питерских и даже южных агрохолдингов импульсы роста возникают и в глубинке, например в Крестецком районе Новгородской области, куда пришли инвестиции из Белгородской области и начал производство мяса птицы «Белгранкорм-Великий Новгород».

При этом успешность очагового воссоздания агропроизводства между Москвой и Петербургом агрохолдингами основывается на инвестициях из мегаполисов или из южных регионов, огромном спросе на продукцию в Москве, Санкт-Петербурге, других крупных городах и возможности её доставки по трассе, межрегиональном разделении труда внутри агрохолдингов (корма для скота выращиваются в их южных подразделениях, а в этой зоне стоят только фермы), а также возможностях маневрирования персоналом (подвоз работников из соседних сёл, завоз из других регионов). Вот откуда этот парадокс: земля заброшена, но производство может расти на базе новых структур и технологий. При этом оставшиеся вне холдингов производители не должны лишаться поддержки региональных властей и местного среднего бизнеса, что происходит далеко не всегда.

Многоукладность сельскохозяйственной экономики и варианты развития АПК

Для постсоветского периода характерны две противоположные тенденции в агропромышленном комплексе. С одной стороны, в 1990-х годах произошла кризисная деконцентрация в сторону хозяйств населения (их доля, по официальной статистике, выросла почти до половины всего производства). С другой стороны, в 2000-е годы всё больше набирала силу концентрация производства на крупных предприятиях и в агрохолдингах. При этом сохранились и наследники колхозов и совхозов, но их становится все меньше. В начале 1990-х годов быстро росло число фермерских хозяйств, но потом оно тоже начало сокращаться, среди фермеров шли процессы поляризации и укрупнения хозяйств. Но главное – многоукладность сельского хозяйства усилилась. Соотношение разных типов производителей зависит от многих факторов, в том числе от производственного потенциала, накопленного ещё в советское время, природных условий, человеческого капитала в сельской местности, специализации, региональных институциональных условий. В результате на Юге и в Нечерноземье, в пригородах и на периферии регионов можно наблюдать разный состав производителей.

Определение оптимального размера агропромышленных предприятий – сложнейшая экономическая задача. Оценки варьируют от нескольких сотен га до 120 тыс. га, в зависимости от района и специализации. Производство зерновых выгоднее на площадях более 500, а лучше – более 1000 га, даже в фермерских хозяйствах. Птицеводство и свиноводство прибыльнее на крупных комплексах, особенно при конкуренции с Белоруссией после вступления в ВТО. А эксперименты с молочными предприятиями не очень удаются. Остановить падение поголовья крупного рогатого скота, создать устойчиво развивающееся производство отечественного молока и говядины, гораздо более капиталоемкого, не удавалось ни в «рыночных» регионах, ни в тех, где велика роль административного вмешательства.

Возможно, в Татарстане «ВАМИН» будут пытаться разделить, но теперь дробить такие монстры намного труднее. Ведь мегафермы очень капиталоемки, отдельным фермам в рыночной

среде не выжить. Стоимость одного дойного места в них составляет около 250 тыс. руб. – это самая дорогая часть мегафермы. А в целом инвестиционная нагрузка на литр молока велика.

Опыт других регионов России показывает, что государственные агрохолдинги или те, что пользуются существенной поддержкой регионального бюджета, как правило, низкорентабельны (исключение – холдинги с коротким циклом производства). В условиях диспаритета цен перекредитованность, основанная на привычке к списанию долгов, становится очень опасным явлением. Выжить удаётся только тем, кто экономно расходует ресурсы и добивается их высокой отдачи. Очевидно, что в современных условиях России необходимы многоукладность и разнообразие форм собственности, от крупнейших до средних и мелких предприятий.

Расслоившись на гиганты-агрохолдинги и массу мелких семейных ферм, сельское хозяйство страны находится в очередной точке бифуркации. Можно предположить четыре сценария развития сельской местности и АПК.

Вариант 1. Больше регионов идут по пути Татарстана и Белгородской области, федеральные и региональные власти любыми путями находят средства для поддержки АПК, в частности, накачивая средства в существующие крупные предприятия, отдача которых в нестабильных финансовых условиях может быть проблематичной. Однако накопившиеся долги российским банкам будут лихорадить и само производство из-за смены собственников, и регионы, что приведёт к перебоям в снабжении продовольствием и ещё большей зависимости от импорта.

Вариант 2. Бюджетная поддержка крупных предприятий объективно сокращается из-за дефицита бюджетных ресурсов, предприятия пытаются выходить из ситуации путём сокращения поголовья скота и повышения отдачи оставшегося. Снижается производство продукции. Простаивает дорогое оборудование ферм и перерабатывающих заводов. Срок его окупаемости растягивается до неопределённости. Снижается зарплата работников, происходят увольнения. В бюджет меньше поступает средств, их не хватает на социальные программы. Недовольство в сельской местности нарастает, ускоряется отъезд населения.

Но и **вариант 3** – взятый федеральным правительством и многими регионами курс на массовое создание семейных ферм – не панацея. Он поможет выявить и укрепить потенциал мелкого товарного сектора, но не решит проблему кардинально. Мелкое производство не заменит среднее и крупное. Опыт многих регионов показывает, что фермеры оказались способны частично заменить крупные предприятия только в южных зерновых районах с производством высокорентабельных культур (твёрдой пшеницы, подсолнечника), но и там происходят их поляризация и укрупнение.

Вариант 4 видится в четырёхзвенном решении:

– в каждом конкретном случае – *соотнесение затрат ресурсов и возможной эффективности их использования* в рыночных условиях при прозрачной федеральной и региональной поддержке;

– *включение каждого предприятия в общероссийское экономическое пространство и отказ от любой региональной автаркии*, диверсификация производства, выход на рынки соседей, взаимодействие с бизнесом других регионов;

– *усиление многоукладности сельской экономики*: при сохранении успешных агрохолдингов, курс – на расширение группы средних предприятий и мелкого бизнеса, уменьшение монополизма отдельных предприятий в производстве и переработке, *равная степень поддержки всех реальных производителей*;

– *стимулирование несельскохозяйственных видов деятельности в сельской местности*, улучшение сельской инфраструктуры, стимулирование сельской индустриализации в крупных сёлах и развитие сети услуг.

Необходимо признать, что сельское хозяйство как образ жизни сельского населения будет постепенно уходить. Если не вкладывать в инфраструктуру, не улучшать сельскую жизнь – бытовые условия, возможности самореализации населения, расширение сфер его деятельности, информированность и т.д., то оно будет активнее уезжать в города. Нечерноземье и переходная к Черноземью зона в Центральной России, из которых крупные города в процессе урбанизации выкачивали население, были первыми. Те же процессы захватывают и другие регионы. При этом главное, чтобы трансформация сельской местности поспевала за миграциями населения. Ведь главная угроза – не уменьшение сельского

населения, а неумение хозяйственно-административной системы приспособиться к новым реалиям.

Сельскохозяйственные организации будут постепенно терять свою значимость как основной источник дохода значительной части сельских жителей. Число занятых на них уже уменьшилось, будет уменьшаться и впредь. Это неизбежное следствие модернизации, в которой давно нуждалось наше сельское хозяйство. Роль подсобных хозяйств также будет уменьшаться. Особенно это станет заметно со сменой поколений, когда состарится население, воспитанное в советское время. Сохранятся лишь отдельные высокотоварные личные и фермерские хозяйства. Остальное – для удовольствия, а не как средство выживания (если в стране не произойдёт политических и экономических катаклизмов). И это общемировая тенденция. Следовательно, упор должен быть сделан на выявление реальных производителей, от крупных до мелких, которые могут обеспечить снабжение продовольствием.

Проблемы не только и не столько в агрохолдингах. Главное – увеличение товарности агропроизводства и использование выгод межрегионального разделения труда. Повышается роль природных условий, пригородов, этнокультурных районов, институциональных условий. И хотя превалируют тенденции концентрации собственности, при размещении отдельных звеньев агрохолдингов главными становятся эффективность их производства и реальная, а не созданная региональной поддержкой конкурентоспособность производителей. При современной общероссийской и глобальной конкуренции замкнутые «княжества» только кажутся надёжными. Они, как правило, всегда неэффективны и обречены на провал.

Административный ресурс работает в разных регионах по-разному. В таких, как Татарстан и Белгородская область, это позволяло затормозить многие негативные процессы. Но для развития этого мало. Нужен «кислород» для бизнеса, не только для отдельных «приближённых» агрохолдингов, но бизнеса массового и разнообразного, мелкого и крупного, в том числе и пришлого, не всегда жёстко контролируемого. Для дальнейшего развития АПК у многих регионов России, особенно с благодатными природными условиями или с сильным влиянием крупных центров, есть ресурсы.